

Научная статья

DOI: 10.17748/2219-6048-2022-14-5-110-127

УДК 316.33

**СОЦИАЛЬНЫЕ БАРЬЕРЫ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ
ИНКЛЮЗИВНОГО ОБЩЕСТВА**

Нодира Мухтаржановна Латипова

Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека
г. Ташкент, Республика Узбекистан
nodira.l@mail.ru

Абдула Абдухалилов

Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека
г. Ташкент, Республика Узбекистан

Виктория Алексеева

Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека
г. Ташкент, Республика Узбекистан

Аннотация. Вовлечение людей, имеющих инвалидность, в социальные процессы, является важной задачей современного общества, обусловленной реализацией положений ООН Конвенции о равных правах инвалидов. Однако достижение указанной цели затруднено из-за наличия в социуме инклюзивных барьеров, немаловажное место среди которых занимают социальные барьеры. Целью данной статьи является раскрытие социальных барьеров по отношению к лицам, имеющим различные формы инвалидности, а также конструирование предложений, направленных на формирование инклюзивного общества в Узбекистане. В статье представлены результаты авторского социологического исследования, которое выявило уровень стигматизации общества исходя из формы инвалидности. В экспериментальной части работы приняли участие 73 респондента в возрасте 18–30 лет. Полученные данные важны для разработки эффективных мер по устранению регулятивных барьеров, препятствующих процессам социальной интеграции.

Ключевые слова: инвалидность, стигма, ограниченные возможности, отношенческие барьеры, типы инвалидности, дискриминация, закон, право, социальная модель инвалидности, социальная проблема, семья

Для цитирования: Латипова Н.М., Абдухалилов А., Алексеева В. Социальные барьеры в процессе формирования инклюзивного общества // Историческая и социально-образовательная мысль. 2022. Т. 14, № 5. С. 110-127.
DOI: 10.17748/2219-6048-2022-14-5-110-127

Original article

RELATIONAL BARRIERS IN THE PROCESS OF FORMING AN INCLUSIVE SOCIETY

Nadira Latipova

National University of Uzbekistan
Tashkent, Uzbekistan
nodira.l@mail.ru

Abdula Abdukhalilov

National University of Uzbekistan
Tashkent, Uzbekistan

Victoria Alekseeva

National University of Uzbekistan
Tashkent, Uzbekistan

Abstract. The involvement of people with disabilities in social processes is an important task of modern society, due to the implementation of the provisions of the UN Convention on the Equal Rights of Persons with Disabilities. However, achieving this goal is difficult due to the presence of inclusive barriers in society, an important place of which is occupied by social barriers. The purpose of this article is to reveal social barriers in relation to persons with various forms of disability, as well as to construct proposals aimed at forming an inclusive society in Uzbekistan. Based on this, the article presents the results of the author's sociological research, which revealed the level of stigmatization of society based on the form of disability. 73 respondents aged 18–30 years took part in the experimental work. The data obtained are important for the development of effective measures to eliminate regulatory barriers that hinder the processes of social integration.

Keywords: people with disabilities, blind, employment process, employer, stigmatize, labor

For citation: Latipova N, Abdukhalilov A., Alekseeva V. Relational barriers in the process of forming an inclusive society. Historical and Social-Educational Idea. 2022. Vol. 14, No.5. PP. 110-127. (In Russ.).
DOI: 10.17748/2219-6048-2022-14-5-110-127

Введение. По данным ООН, сегодня в мире проживает 15% [1] людей с инвалидностью, которые, несмотря на развивающуюся глобальную политику в сфере инвалидности, сталкиваются с различными барьерами в процессе полного участия их в жизни общества и реализации своего потенциала. В свою очередь, данные барьеры непосредственно связаны с аттитюдами, с которыми сталкиваются лица с инвалидностью.

По данным Государственного комитета статистики, на 2021 год в Республике Узбекистан проживают 810 тыс. лиц с инвалидностью, что составляет чуть более 2% от всей численности населения [2]. Это говорит о том, что в Узбекистане до сих пор не ведутся полномасштабные статистические исследования в сфере инвалидности, не проводится системный анализ потребности лиц с инвалидностью.

Несмотря на проводимые реформы в Республике Узбекистан в сфере защиты прав лиц с инвалидностью, они сталкиваются с множеством различных барьеров как физического, так и социального характера. Фактами, свидетельствующими о маргинальном положении лиц с инвалидностью, является то, что «более 80% общественных зданий не приспособлены для людей с инвалидностью» [3]. Всего 7% от общего количества лиц с инвалидностью трудоустроены [4]. Все это свидетельствует о том, что лица с инвалидностью сталкиваются с различными стигмами, препятствующими их полноценному участию в общественной жизни.

Несмотря на сложность преодоления стигм по отношению к людям с инвалидностью и во всем мире, и в Узбекистане, мы можем наблюдать динамику сближения общества с людьми с инвалидностью.

Сегодня понятие «инклюзивность» является одним из трендовых понятий, вовлекающих в свою орбиту исследований ученых различных сфер социальных наук. В последние десятилетия в Узбекистане усиливается интерес ученых к исследованию вопросов инвалидности. Это происходит как в социологии, так и в других смежных отраслях социально-гуманитарных наук. В этой связи мы можем перечислить таких ученых Узбекистана, как М.Х. Ганиева, Н.М. Латипова и

т.д. Также необходимо упомянуть работы А.А. Абдухалилова, Д. Юсупова, Л.Р. Муминова, В. Алексеева, З.Ф. Узакова и т.д. [5].

В то же время анализ понятия «инклюзивность» показывает не проявившие всех своих возможностей и фундаментальных аспектов концептуальные проблемы понимания инклюзивного общества. К ним мы можем отнести такие проблемы, как нечетко выраженные границы инклюзивности, скромные возможности формирования универсального дизайна в обществе, а также инклюзивное восприятие мира. Полагаем, что именно отношение людей друг к другу, в частности к людям с инвалидностью, является базовым аспектом формирования инклюзивного общества.

В статье мы затронули работы лишь некоторых авторов Узбекистана, в которых непосредственно освещаются вопросы социальной защиты лиц с инвалидностью. В целом, многие исследования, проводимые в Узбекистане в сфере инвалидности, посвящены вопросам социальной защиты детей с инвалидностью, социальной реабилитации, интеграции, адаптации, инклюзивного образования и трудоустройства.

Необходимо также констатировать тот факт, что учеными Узбекистана очень мало внимания уделяется таким вопросам, как обеспечение безбарьерной среды лицам с инвалидностью, анализ современных концепций инвалидности, политика инвалидности и т.д. Между тем необходимо отметить тот факт, что сегодня в Узбекистане происходит тенденция усиления интересов молодых исследователей и ученых к вопросам инвалидности. И это непосредственно связано с социальной политикой государства, проводимой по отношению к лицам с инвалидностью [6].

Важным аспектом социально-экономической сферы является то, что в Узбекистане уделяется большое внимание законодательно-правовому обеспечению и защите прав и интересов лиц с инвалидностью. В частности, изданы Указ Президента Республики Узбекистан «О мерах кардинального совершенствования системы государственной поддержки лиц с инвалидностью» и Указ Президента Республики Узбекистан «О всесторонней поддержке лиц с инвалидностью, обеспечении их занятости и повышении их социальной активности» [7]. Примечательным является и то, что 7 июня 2021 г. в Узбекистане была ратифицирована Конвенция ООН о правах лиц с инвалидностью.

Принятое законодательство не только отразило роль органов государственной власти в обеспечении прав и интересов лиц с инвалидностью, но и включило в себя нормы, направленные на снижение имплицитных барьеров лиц с инвалидностью. Так, впервые в законе Республики Узбекистан «О правах лиц с инвалидностью» вводится понятие «дискриминация по признаку инвалидности».

В частности, в 6 статье закона «О правах лиц с инвалидностью» отмечается, что запрещается любое обособление, исключение, отстранение, ограничение в отношении лиц с инвалидностью, а также отказ от создания доступа для лиц с инвалидностью к объектам и услугам. Специальные меры, направленные на обеспечение равенства возможностей для лиц с инвалидностью и их вовлечение в жизнь общества и государства, не считаются дискриминационными в отношении других граждан [8].

Несмотря на то, что в современном обществе номинально существует декларация предоставления равных возможностей для лиц с инвалидностью и без инвалидности, можно наблюдать явление, описанное одним из классиков социологии Т. Парсонсом, – «аутсайдерство» в стратификационной модели общества. И данная ситуация связана не с ограниченными возможностями людей с инвалидностью выполнять те или иные задачи, а со стереотипами и имплицитными барьерами по отношению к людям с инвалидностью. Исходя из этого необходимо обратить внимание на ключевые аспекты формирования отношенческих барьеров к людям с инвалидностью в обществе.

Исторически всегда существовали попытки объяснить, почему одни люди отличаются от других, почему кто-то может видеть, а кто-то нет, кто-то может слышать, а кто-то нет, один может ходить, а другой не может, в связи с чем у некоторых членов общества наблюдается особенное поведение [9].

Отношение общества к людям с инвалидностью можно исследовать сквозь призму различных моделей инвалидности, существовавших в ту или иную эпоху существования человечества. Одна из первых моделей понимания инвалидности называется *морально-религиозной*, или же *исторической* моделью инвалидности [10]. Данная модель определяет инвалидность как позор или наказание за грехи. Стоит отметить, что и в наши дни существуют многие культуры и субкультуры, особенно в традиционных обществах, которые часто ассоциируют инвалидность с чувством вины, стыда и низким социальным статусом всей семьи человека с инвалидностью. Даже если подобные чувства не базируются на религиозной доктрине, для людей с инвалидностью данная модель особо тягостна. Как правило, она порождает социальный остракизм, сегрегацию, негативное отношение к самому себе у людей с инвалидностью, поскольку в ней инвалидность понимается не только как позор для конкретного индивидуума, но и для всей семьи. Вместе с тем, чтобы избавиться от стигмы, семьи пытались избавиться от человека со стойкими поражениями здоровья, помещая его в изолированное стационарное учреждение и лишая его всякого шанса играть когда-либо значимую роль в обществе. Таким образом данная модель способствовала появлению и развитию институциональных форм ухода за людьми с инвалидностью. В качестве социальной политики государств она не используется [11].

Одной из распространенных моделей понимания инвалидности является *медицинская* модель, возникшая в XVII–XVIII вв. Данная модель рассматривает физические и психические отличия между людьми в терминах патологии и дефектов. В мировой юридической практике концепция инвалидности включает в себя два подхода – медицинский и экономический [12]. Данная модель является наиболее распространенной. В соответствии с ней инвалидность можно разделить на недуги, заболевания, психологический, физиологический дефекты. Лица с инвалидностью вынуждены исполнять роль больного, по сути – роль социального аутсайдера, заключающуюся, с одной стороны, в неспособности к независимой жизни, отказе от ответственности перед обществом, а с другой – в ожидании повышения своего статуса после излечения от своих болезней. Однако наивно было бы ожидать, что лица с инвалидностью полностью излечатся. Соответственно, роль больного укрепляется за ними навсегда. Медицинская модель способствовала тому, все проблемы, включая социальные, связанные с инвалидностью, описывались в терминах функциональных особенностей человеческого организма. Соответственно с этой моделью неспособность человека с инвалидностью быть полноправным членом общества рассматривалось как прямой результат наличия у него дефектов. При таком подходе дефекты, которыми обладают лица с инвалидностью, автоматически исключают их из традиционной социальной деятельности. Такие индивиды определяются, прежде всего, как непригодные к работе или функционированию и социальной коммуникации в обычном обществе. Для них существует сеть изолированных, специализированных интернатов и коррекционных школ [13].

Данный подход к пониманию инвалидности способствует понижению социального статуса лиц с инвалидностью, а также усиливает социальные стереотипы об их социальной некомпетентности. Лица с инвалидностью в медицинской модели рассматриваются как объекты социальной политики. Решение всех проблем лиц с инвалидностью в медицинской модели сводится к тому, что все усилия направлены на концентрирование различного рода компенсаций, связанных с дисфункциями в организме. В связи с этим для них устанавливаются специальные льготы, пособия, предоставляются специальные пенсии по нетрудоспособности, удовлетворяющие, как правило, только их минимальные потребности. Стоит отметить, что медицинская модель является источником проблем для тех лиц с инвалидностью, которые идентифицировались как нетрудоспособные, но хотели бы работать, однако рискуют лишиться пособия в некоторых странах мира, поскольку теряют статус инвалида. Одной из распространенных сегодня моделей понимания инвалидности является *социальная* модель. Необходимо отметить, что социальная модель была разработана самими лицами с инвалидностью, в частности британским ученым П. Хантом в его эссе «Критические условия» [14], в качестве модели, представляющей их интерес и отношение к ним в

обществе. Р. Мейс, М. Оливер [15] и др. обосновали необходимость реализации социальной модели в обществе.

По социальной модели инвалидность понимается прежде всего как социальная проблема, поскольку человек себя чувствует человеком с инвалидностью из-за искусственно созданных барьеров в обществе [16]. Классик социологии Ирвинг Гофман в своем произведении «Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity» красочно описал стигмы по отношению к лицам с инвалидностью [17].

Проведя глубокие исследования в вопросах стигм, американский социолог Ирвинг Гоффман пришел к выводу, что общество устанавливает категоризацию людей и определяет набор качеств, которые считаются нормальными, естественными для каждой из категорий. Социальная среда, категории, возможные в ней, рутинная практика социального взаимодействия позволяют обращаться к незнакомым нам людям, не особенно задумываясь об этом. При встрече с незнакомцем первое впечатление позволяет нам отнести его к той или иной категории, определить его социальную идентичность. Мы опираемся на эти предположения, нормативно ожидаемые, справедливо определяемые требования к другим.

Как правильно пишет И. Гоффман, мы не осознаем, что составили такие требования, равно как и не осознаем самих требований, пока не столкнемся с требованием к их осуществлению. Именно в этот момент мы понимаем, что все время для себя формулировали определенные предположения относительно того, каким должен быть индивид. Следовательно, наши требования можно назвать требованиями по факту совершения. Таким образом, данный человек превращается из обычного в неполноценного, обладающего каким-то дефектом, «испорченного». Подобное качество есть стигма, особенно если речь идет об очень сильном негативном воздействии, порой его также называют недостатком, дефектом, увечьем. Оно образует особое несоответствие между виртуальной истиной и социальной идентичностью. Термин «стигма» должен использоваться для обозначения качества, выдающего какое-то постыдное свойство человека. Причем характер этого качества определяется не самим качеством, а отношением в связи с ним.

Таким образом, отмечает И. Гоффман стигма – это особое отношение между качеством и стереотипом. В своих исследованиях И. Гоффман предлагает разделять три типа стигм:

- 1) телесное уродство, разного рода физические отклонения;
- 2) недостатки индивидуального характера, такие как слабая воля, неконтролируемые неестественные страсти, подлые или косные убеждения, бесчестность. О них становится известно, например, из факта умственного расстройства, заключения в тюрьму, отсутствия постоянной занятости, попытки самоубийства, радикальных политических пристрастий, склонности к наркотикам, алкоголизму;

3) родовая стигма рас, национальностей, религий, которая может передаваться по наследству и охватывать всех членов семьи. Однако во всех этих различных примерах стигмы, включая то, что подразумевали греки, можно использовать одни и те же социологические черты. Индивид, который мог бы легко участвовать в обычном социальном взаимодействии, обладает некой особенностью, которая навязчиво привлекает к себе внимание и отвращает от него собеседников, тем самым перекрывая путь к другим качествам этого индивида. У него есть стигма – нежелательное отличие от того, чего мы ожидаем от его категории людей [17].

Наряду с моделями поведения человека, подвергнувшегося стигмам, в своих исследованиях И. Гоффман пытается раскрыть аспекты дискомфорта, которые ощущают люди, имеющие стигму. Он отмечает, что дискомфорт от ощущения собственной незащитности может возрасти в результате разговора с посторонними людьми, считающими себя вправе завязать с ним разговор, интересоваться отвратительными с его точки зрения подробностями его существования или предлагать помощь, в которой он не нуждается или которую он не хочет. Можно добавить, что есть классический сценарий подобных расспросов. «Моя дорогая девочка, откуда у тебя эта болячка? У моего двоюродного брата была такая же болячка. Так, что я все знаю о вашей беде. Знаете, я всегда говорил, что люди с такой болячкой превосходно ладят со своей семьей и помогают бедным, родственникам». Все эти авансы подразумевают, что любому постороннему человеку, позволившему себе обратиться с расспросами к стигматизированному, достаточно быть лишь доброжелательно настроенным к людям с такой бедой. Зная, с чем он может столкнуться, попав в смешанную социальную ситуацию, стигматизированный человек порой заранее внутренне съеживается и занимает оборонительную позицию. Также стигматизированный человек, вместо того чтобы внутренне сжаться, может нарочито и грубо бравировать своим состоянием. Однако это может привести к тому, что другие будут вести себя аналогичным образом. Можно также добавить, что стигматизированный человек порой колеблется между оборонительной позицией и бравадой, мечется от одной тактики к другой и демонстрирует один из основных способов, при котором обычное взаимодействие лицом к лицу может выйти из-под контроля.

Анализ данного труда показывает, насколько глубоко И. Гоффману удалось проанализировать проблему стигмы, поскольку проведенное авторами исследование подтверждает описанные И. Гоффманом тезисы.

Несмотря на универсальный характер многих социальных барьеров, стигм по отношению к людям с инвалидностью, наблюдаются специфические особенности проявления имплицитных барьеров к людям с инвалидностью в том или ином обществе.

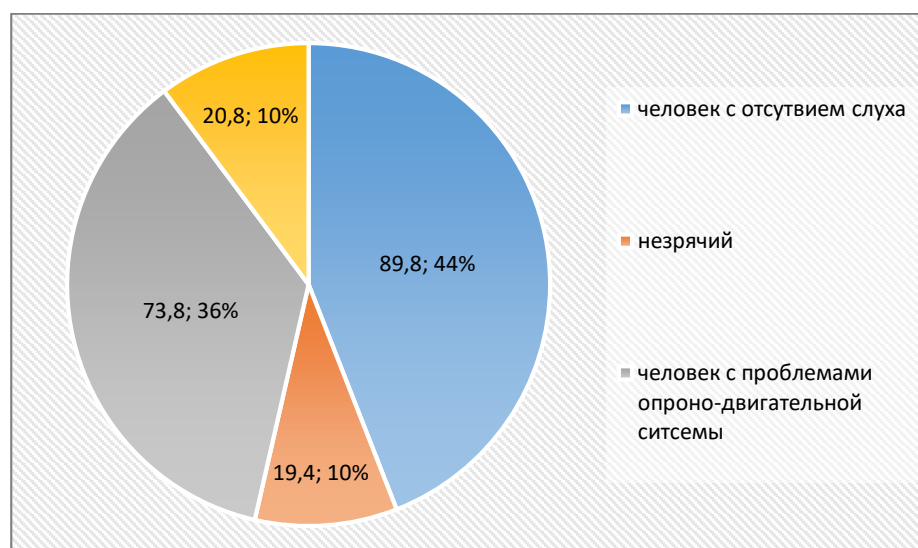
Методы. Для изучения отношенческих барьеров был использован авторский вопросник, отражающий отношение к различным группам лиц с инвалидностью, который был разбит на динамику отношений – дружба и брак. Вопросник был основой интервью, проведенного с представителями молодежи в возрасте с 18–30 лет в количестве 73 человек [18]. Исследование было проведено посредством опросника в Google форме.

Анализ. Особенности отношения к различным группам лиц с инвалидностью были определены с помощью вопроса, который позволил идентифицировать персональное отношение и личное переживание в случае, если бы человек гипотетически мог получить инвалидность: «С какой инвалидностью Вы себя представляете, если Вы вдруг станете человеком с инвалидностью?»

Общее число опрошенных показало, что в основном респонденты в большей степени могут представить себя человеком с отсутствием слуха – 89,9%, из них 41,8% узбекоговорящих и 48% русскоговорящих*.

Рисунок 1. С какой инвалидностью Вы себя представляете, если Вы вдруг станете человеком с инвалидностью? (25 ответов на русском языке и 67 на узбекском языке)

Figure 1. What kind of disability do you imagine yourself with if you suddenly became a person with a disability? (25 answers in Russian and 67 in Uzbek)

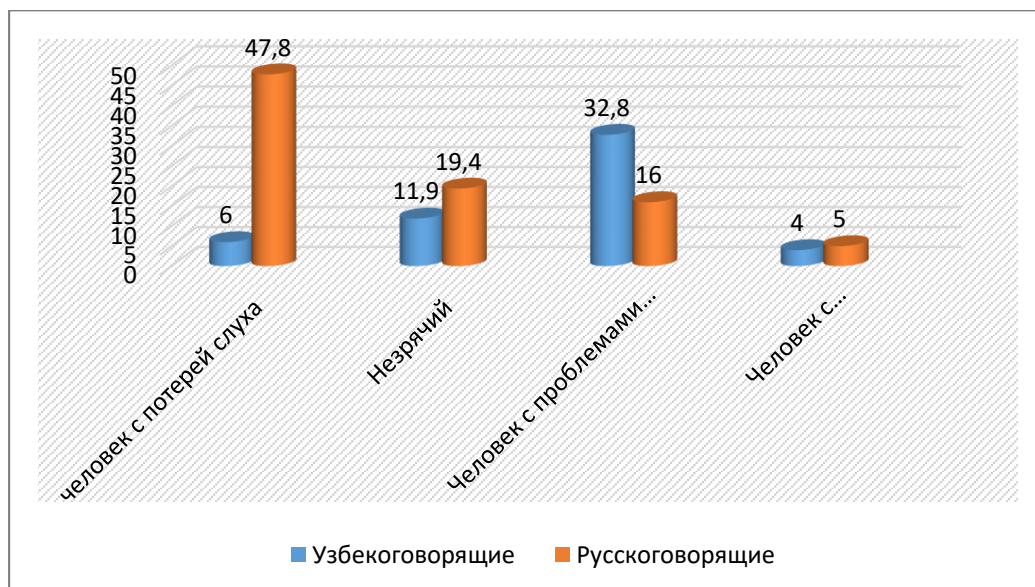
Источник: составлено автором Латиповой Н.М.

Source: compiled by the author N.Latipova,

*Прим.: Узбекистан – многонациональная страна, люди различных национальностей в основном общаются на узбекском и русском языках. Например, человек узбекской национальности может быть русскоговорящим или человек таджикской национальности может быть узбекоговорящим. Именно поэтому авторы предпочли говорить не о национальности, а о языке общения.

Анализ общих данных по вопросу о возможности выбора инвалидности показал, что в основном молодые люди выбрали бы инвалидность, связанную с опорно-двигательной системой (65,6%), из них узбекоговорящих 32,8% и русскоговорящих 32,8%, с отсутствием слуха (53,8%), при этом узбекоговорящих 63% и русскоговорящих 32,8%, с отсутствием зрения (31,3%), из них узбекоговорящих 11,9% и русскоговорящих 11,9%.

Рисунок 2. Какую инвалидность Вы бы предпочли, если бы был выбор?
Figure 2. Which disability would you prefer if you had a choice?

Источник: составлено автором Латиповой Н.М.

Source: compiled by the author N.Latipova,

Причинами выбора данных видов инвалидности стали следующие мотивы:

- мне так удобно;
- у человека с отсутствием слуха больше возможностей, то есть он более независим и не нуждается в посторонней помощи;
- самая легкая инвалидность.

Необходимо отметить и эмоционально окрашенные ответы, как, например, отметил один из респондентов: «Из нескольких зол выбирают меньшее. Вопросы, конечно, ужасные. Мы не выбираем друзей по возможностям их функционирования».

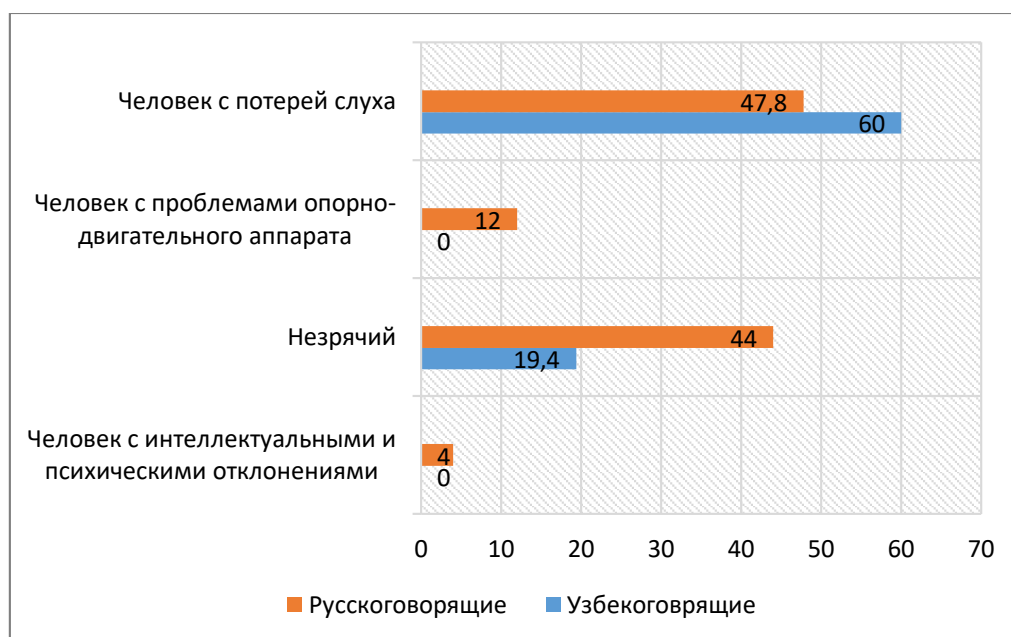
Важным аспектом полноправного участия человека в жизни общества является возможность построения семьи. В ходе выяснения отношения молодежи к браку с людьми с инвалидностью были выявлены предпочтения построить семью с человеком с нарушением слуха – 60% респондентов, участвовавших в исследовании на русском языке, указали на это; среди респондентов, которые заполняли анкету на узбекском языке, данное количество составило 47,8%. Пола-

гаем, что меньшей стигматизации подвергаются именно люди с такой инвалидностью. Примерно одинаковое количество среди двух групп респондентов предпочли бы построить семью с незрячим человеком. Кроме того, 12% респондентов, которые отвечали на вопросы на русском языке, предпочли бы построить семью с человеком с нарушением опорно-двигательного аппарата; среди аудитории, отвечавшей на вопросы на узбекском языке, это количество составило 32,8%.

Некоторые респонденты отмечали, что проблемы опорно-двигательного аппарата позволяют сохранить интеллектуальную активность и у таких людей больше возможностей трудоустроиться и эффективно трудиться.

Рисунок 3. С человеком с какой инвалидностью Вы бы предпочли построить семью?

Figure 3. With what type of disability would you prefer to build a family?

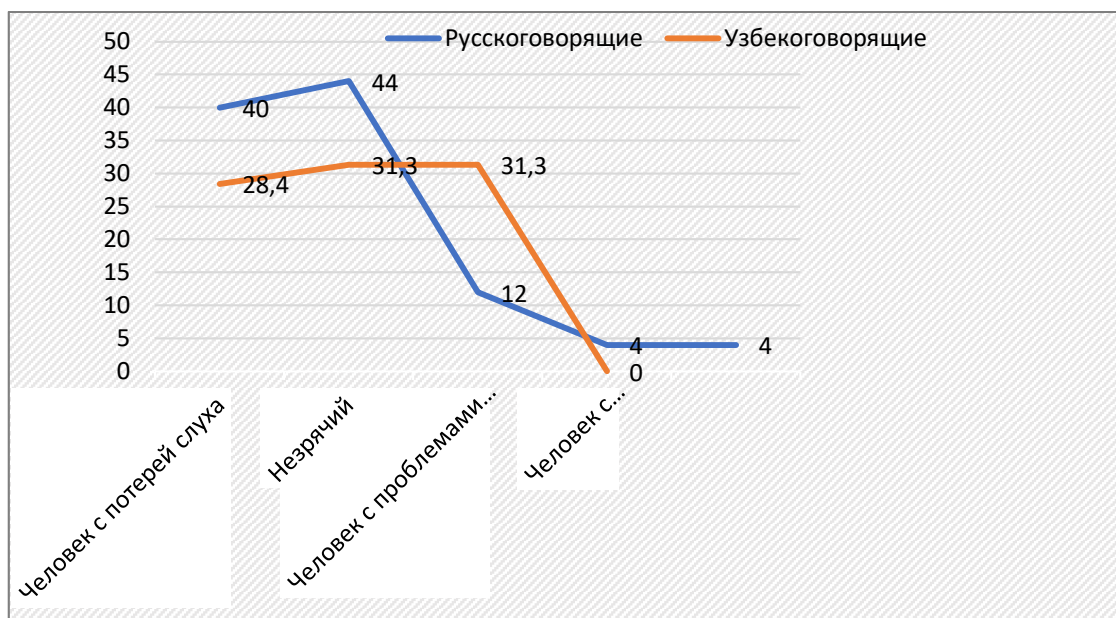

Источник: составлено автором Латиповой Н.М.

Source: compiled by the author N.Latipova,

Одним из способов изучения стигмы в отношении людей с инвалидностью был вопрос, направленный на выявление дружеских симпатий. Так, опрошенные могли выбрать по два варианта ответа. Предпочли бы дружить в большей степени с незрячими людьми (русскоязычных 44% и узбекоязычных 40,3%). 40% предпочли бы дружить с человеком с нарушением слуха, среди респондентов, отвечавших на вопросы на узбекском языке, это количество составило 28,4%. С людьми с проблемами опорно-двигательной системы хотели бы дружить 12% русскоговорящих и 40,3% узбекоговорящих. Незначительное количество респондентов хотели бы дружить с человеком с нарушением ментального здоровья.

Рисунок 4. С человеком с какой инвалидностью Вы хотели бы дружить?
Figure 4: With what type of disability would you like to be friends?

Источник: составлено автором Латиповой Н.М.

Source: compiled by the author N.Latipova,

Заключение. Качество жизни лиц с инвалидностью во многом зависит от отношения общества к проблемам инвалидности. Негативное отношение к людям с инвалидностью, отсутствие внимания к их потребностям, стремление создать эксклюзивные условия жизни для лиц с инвалидностью приводят к снижению их качества жизни. Тогда как формирование позитивного отношения к лицам с инвалидностью, создание инклюзивных условий, предполагающих обеспечение равенства и возможности для всех, приводят к процессам повышения качества жизни не только лиц с инвалидностью, но и всего общества в целом.

В результате проведенного анализа социальных барьеров людей с инвалидностью можно сделать следующие заключения:

1. Несмотря на большое внимание, оказываемое правительством лицам с инвалидностью, эти люди до сих пор остаются одной из маргинальных групп общества.

2. Стигмы по отношению к людям с инвалидностью непосредственно зависят от типа инвалидности. В ходе исследования было обнаружено, что лица с нарушением слуха меньше остальных лиц с инвалидностью подвергаются стигме, и общественность считает, что их полная интеграция в обществе более реалистична, чем лиц с нарушением зрения, опорно-двигательного аппарата, а также лиц с психическими и ментальными нарушениями.

3. Вместе с тем в процессе проведения данного исследования были выявлены процессы сближения общества с людьми с инвалидностью. Большинство людей желали бы дружить, работать с людьми с инвалидностью. Но им очень

сложно представить себе вероятность построения семьи с человеком с инвалидностью, а также возможность в будущем стать человеком с инвалидностью. Это подтверждается отзывами, высказанными респондентами в процессе ответа на вопросы.

Проведенное исследование показало, что до сих пор существуют стигмы в отношении лиц с инвалидностью и эта группа в обществе является стигматизированной и маргинальной. Это подтверждается тем фактом, что 80% общественных зданий не приспособлены к людям с инвалидностью [19] и всего лишь 7% от общего числа лиц с инвалидностью трудоустроены. Проведенные исследования показали, что эти проблемы связаны с такими сложившимися стереотипами в обществе по отношению к людям с инвалидностью, как «человек с инвалидностью нетрудоспособен», «ему нет необходимости вступать в брак и строить семью», «для полной интеграции человека с инвалидностью в общество ему необходимо излечиться от своих болезней» [20].

Несмотря на то, что наблюдаются некоторые различия между русскоязычными и узбекоязычными респондентами, во-первых, в целом можно отметить, что существует социальная дистанция в процессе общения с людьми с инвалидностью. Во-вторых, меньше всего среди различных групп инвалидностей, как показывает исследование, подвергаются стигме люди с нарушением слуха. Из этого можно заключить, что интеграция людей с нарушением слуха может быть гораздо легче, чем других лиц с инвалидностью.

В свою очередь, для снижения стигмы лиц с инвалидностью в узбекистанском обществе необходимо концентрировать внимание на позитивном образе лиц с инвалидностью, формировании безбарьерной среды и инклюзивного образования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. UNDP.org. (Дата обращения: 25.10.2022).
2. Государственный комитет Республики Узбекистан по статистике. URL: <https://stat.uz/uz/> (Дата обращения: 25.10.2022).
3. На пути к процветающему и инклюзивному будущему Узбекистана: Вторая систематическая диагностика страны. Доклад экспертов Всемирного Банка «О положении лиц с инвалидностью в Узбекистане». 2022 г. (Дата обращения: 25.10.2022).
4. Сайт Министерства занятости и труда Республики Узбекистан. URL: <https://mehnat.uz/ru>.
5. Ганиева М.Х. Социокультурная адаптация детей с ограниченными возможностями как направление социальной защиты общественного мнения // Права человека. – 2009. – № 4. – С. 35-45; Латипова Н.М. Социальная защита детей и семей в Узбекистане: Дис. ... д-ра социол. наук. – Таш-

- кент, 2020; Абдухалилов А.А. Вопросы совершенствования социальной защиты людей с инвалидностью в процессе государственного управления в материалах Международной конференции социальной защиты детей в Узбекистане. Отечественный и зарубежный опыт. 2018; Latipova N.M., Abdukhalilov A.A., Alekseeva V.S. Idleness: problem or position survival: problems and factors of overcoming the dependent position. – Egypt/Egyptology, 2020. file:///C:/Users/user/Downloads/1086-Article%20Text-2140-1-10-20201201.pdf.; Муминова Л.Р., Узакова З.Ф. Опыт Республики Узбекистан в переходе на инклюзивное образование // Инклюзия в образовании. – 2019. – Т. 4. – № 2 (14). – С. 15-24; Yusupov D., Abdukhalilov A. Barriers to disability-inclusive employment in Uzbekistan: A pilot qualitative study of disabled people's lived experiences. Received: 26 May 2021. Revised: 15 June 2022. Accepted: 28 June 2022. blob:https://web.telegram.org/34ecf53b-0944-4f82-ab83-0e820476906d.; Узакова З.Ф. Теоретико-методологические аспекты трансформации термина инвалидность и молодежного возраста // Журнал социальных исследований. – 2021. – Т. 4. – № 1 и др.
6. Latipova N.M., Abdukhalilov A.A., Alekseeva V.S. Employment problems of persons with visual impairment in the Republic of Uzbekistan // Teikyo Medical Journal. – 2021/12. – Вып. 44. – № 6. – С. 2359-2366.
 7. Указ Президента Республики Узбекистан «О мерах по кардинальному совершенствованию системы государственной поддержки лиц с инвалидностью в Узбекистане» № 52-70 от 2017 г.; Указ Президента Республики Узбекистан «О всесторонней поддержке лиц с инвалидностью, обеспечении их занятости и повышении их социальной активности» № 57 от 21 декабря 2021 г.
 8. Закон Республики Узбекистан «О правах лиц с инвалидностью» от 15 октября 2020 г.
 9. Абдухалилов А.А. Анализ социологических концепций феномена инвалидности. SOI: 1.1/TAS DOI: 10.15863/TAS // International Scientific Journal Theoretical & Applied Science p-ISSN: 2308-4944 (print) e-ISSN: 2409-0085 (online). – 2021. – Вып. 11. – № 103. URL: <http://T-Science.org>.
 10. Тарасенко Е.А. Социальная политика в области инвалидности: кросскультурный анализ и поиск оптимальной концепции для России: Перепечатка с сайта НИУ-ВШЭ. <http://www.hse.ru>. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Tarasenko_Sotsialnaya.pdf.
 11. Тарасенко Е.А. Модели инвалидности (конструирование национальной концепции социальной политики) // Управление здравоохранением. – 2003. – С. 51-62.; Абдухалилов А.А. Анализ социологических концепций феномена инвалидности. SOI: 1.1/TAS DOI: 10.15863/TAS // International Scientific Journal Theoretical & Applied Science p-ISSN: 2308-4944 (print) e-

- ISSN: 2409-0085 (online) – 2021. Вып. 11. № 103. <http://T-Science.org>.; Коростелева Н.А. Социальная модель инвалидности как основа формирования толерантного отношения к инвалидам // Вестник Челябинского гос. пед. университета. – 2012. – № 8. – С. 81-94.
12. Мачульская Е.Е. Право социального обеспечения. – М., 2013. – С. 107.
 13. Калашникова И.В., Тринадцатко А.А. Эволюция социальных моделей инвалидности // Вестник ТОГУ. – 2017. – № 3. – С. 277-288.
 14. Hunt P. (ed.) 1966: Stigma: The Experience of Disability. – London: Geoffrey Chapman.
 15. Oliver M. Understanding disability, from theory to practice / M. Oliver. – London: Macmillan, 1996.
 16. Ярская-Смирнова Е.Р. Политика инвалидности: социальное гражданство инвалидов в современной России / Е.Р. Ярская-Смирнова, П.В. Романов. – Саратов: Научная книга, 2006. – 260 с.; Ярская-Смирнова Е.Р. Социокультурный анализ нетипичности. – Саратов: СГТУ, 1997; Калашникова И.В., Тринадцатко А.А. Указ. соч.; Зак Г.Г. Историко-генетический анализ инвалидности как социальной проблемы // Специальное образование. – 2008. – № 10. – С. 22-24.
 17. Goffman I. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. – New York, 1986.
 18. Опрос проводился методом интервью в г. Ташкенте в апреле-мае. Опрошена молодежь в возрасте 18–30 лет в количестве 73 человек.
 19. На пути к процветающему и инклюзивному будущему Узбекистана...
 20. Yusupov D., Abdukhalilov A. Barriers to disability-inclusive employment in Uzbekistan: A pilot qualitative study of disabled people's lived experiences. Received: 26 May 2021. Revised: 15 June 2022. Accepted: 28 June 2022. URL: [blob:https://web.telegram.org/34ecf53b-0944-4f82-ab83-0e820476906d](https://web.telegram.org/34ecf53b-0944-4f82-ab83-0e820476906d). (Дата обращения: 21.10.2022).

REFERENCES

1. UNDP.org. (Date of access: 25.10.2022).
2. State Committee of the Republic of Uzbekistan on Statistics. URL: <https://stat.uz/uz/> (Date of access: 25.10.2022).
3. On the path to a prosperous and inclusive future for Uzbekistan: Second Systematic Country Diagnostic. Report of the World Bank experts "On the situation of people with disabilities in Uzbekistan". 2022 (Date of reference: 25.10.2022).
4. Website of the Ministry of Employment and Labor of the Republic of Uzbekistan. URL: <https://mehnat.uz/ru>.
5. Ganieva M.H. Socio-cultural adaptation of children with disabilities as a direction of social protection of public opinion. Human Rights. 2009. № 4. P. 35-45;

- Latipova N.M. Social protection of children and families in Uzbekistan: Ph. D. in Sociology. Tashkent, 2020; Abdukhalilov A. Issues to improve social protection of people with disabilities in public administration in the proceedings of the International Conference of Social Protection of Children in Uzbekistan. Domestic and foreign experience. 2018; Latipova N.M., Abdukhalilov A.A., Alekseeva V.S. Idleness: problem or position survival: problems and factors of overcoming the dependent position. - Egypt/Egyptology, 2020. file:///C:/Users/user/Downloads/1086-Article%20Text-2140-1-10-20201201.pdf; Muminova L.R., Uzakova Z.F. Experience of the Republic of Uzbekistan in the transition to inclusive education. Inclusion in Education. 2019. T. 4. № 2 (14). P. 15-24; Yusupov D., Abdukhalilov A. Barriers to disability-inclusive employment in Uzbekistan: A pilot qualitative study of disabled people's lived experiences. Received: 26 May 2021. Revised: 15 June 2022. Accepted: June 28, 2022. blob:https://web.telegram.org/34ecf53b-0944-4f82-ab83-0e820476906d.; Uzakova Z.F. Theoretical and methodological aspects of the transformation of the term disability and youth age. Journal of Social Research. 2021. Vol. 4. No. 1 et al.
6. Latipova N.M., Abdukhalilov A.A., Alekseeva V.S. Employment problems of persons with visual impairment in the Republic of Uzbekistan . Teikyo Medical Journal. 2021/12. Inst. 44. № 6. P. 2359-2366.
 7. Presidential Decree No. 52-70 of 2017 "On measures to radically improve the system of state support for persons with disabilities in Uzbekistan"; Presidential Decree No. 57 of December 21, 2021 "On comprehensive support for persons with disabilities, ensuring their employment and increasing their social activity".
 8. The Law of the Republic of Uzbekistan "On the Rights of Persons with Disabilities" of October 15, 2020.
 9. Abdukhalilov A.A. Analysis of sociological concepts of the phenomenon of disability. SOI: 1.1/TAS DOI: 10.15863/TAS. International Scientific Journal Theoretical & Applied Science p-ISSN: 2308-4944 (print) e-ISSN: 2409-0085 (online). 2021. Issue. 11. № 103. URL: <http://T-Science.org>.
 10. Tarasenko E.A. Social policy in the field of disability: cross-cultural analysis and the search for the optimal concept for Russia: Reprint from the website of the National Research University Higher School of Economics. <http://www.hse.ru>. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Tarasenko_Sotsialnaya.pdf.
 11. Tarasenko E.A. Models of Disability (Constructing a National Concept of Social Policy). Health Care Management. 2003. P. 51-62; Abdukhalilov A.A. Analysis of sociological concepts of the phenomenon of disability. SOI: 1.1/TAS DOI: 10.15863/TAS. International Scientific Journal Theoretical & Applied Science p-ISSN: 2308-4944 (print) e-ISSN: 2409-0085 (online) 2021.

- Issue. 11. № 103. <http://T-Science.org>; Korosteleva N.A. Social model of disability as a basis for the formation of tolerant attitude to the disabled. Bulletin of Chelyabinsk State Pedagogical University. 2012. № 8. P. 81-94.
12. Machulskaya E.E. The right of social security. M., 2013 P. 107.
 13. Kalashnikova I.V., Thirteenatko A.A. Evolution of social models of disability. Vestnik TOGU. 2017. № 3. P. 277-288.
 14. Hunt P. (ed.) 1966: Stigma: The Experience of Disability. London: Geoffrey Chapman.
 15. Oliver M. Understanding disability, from theory to practice. M. Oliver. - London: Macmillan, 1996. 16.
 16. Yarskaya-Smirnova E.R. Policy of disability: social citizenship of the disabled in modern Russia. E.R. Yarskaya-Smirnova, P.V. Romanov. - Saratov: Scientific Book, 2006. - 260 p., Yarskaya-Smirnova E.R. Sociocultural analysis of atypicality. Saratov: Saratov State Technical University, 1997. Kalashnikova I.V., Thirteenatko A.A. Op. cit., Zak G.G. Historical and genetic analysis of disability as a social problem. Special education. 2008. № 10. P. 22-24.
 17. Goffman I. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. New York, 1986.
 18. The survey was conducted by interview method in Tashkent in April-May. We interviewed 73 young people, aged 18-30.
 19. On the Path to a Prosperous and Inclusive Future in Uzbekistan. 20.
 20. Yusupov D., Abdukhalilov A. Barriers to disability-inclusive employment in Uzbekistan: A pilot qualitative study of disabled people's lived experiences. Received: 26 May 2021. Revised: 15 June 2022. Accepted: 28 June 2022. URL: [blob:https://web.telegram.org/34ecf53b-0944-4f82-ab83-0e820476906d](https://web.telegram.org/34ecf53b-0944-4f82-ab83-0e820476906d). (Accessed on October 21, 2022).

Информация об авторах: Латипова Нодира Мухтаржановна – доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой «Социальная работа», Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека, г. Ташкент, Республика Узбекистан
nodira.l@mail.ru

Абдухалилов Абдула – доктор социологических наук, доцент кафедры «Социальная работа», Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека, г. Ташкент, Республика Узбекистан

Алексеева Виктория – доктор социологических наук, и.о. профессора кафедры «Социальная работа», Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека, г. Ташкент, Республика Узбекистан

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors: Latipova Nadira – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Social Work, National University of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan

Abdukhalilov Abdula – Doctor of Philosophy in Sociological Sciences PhD, Associate Professor of the Department of Social Work, National University of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan

Alekseeva Victoria – Doctor of Philosophy in Sociological Sciences PhD, Acting Professor of the Department of Social Work, National University of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan

The authors have read and approved the final manuscript.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 01.10.2022

Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 25.10.2022

Принята к публикации / Accepted for publication: 27.10.2022

Авторы заявляет об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests

© Латипова Н.М. 2022

© Абдухалилов А. 2022

© Алексеева В. 2022

© «ИСОМ». 2022